

Георгий Гаврилович Матюхин

**Первый и единственный председатель
правления Государственного банка РСФСР.
Со 2 декабря 1990 года первый председатель
Центрального банка РСФСР (Банк России).**

Банк России я брал штурмом

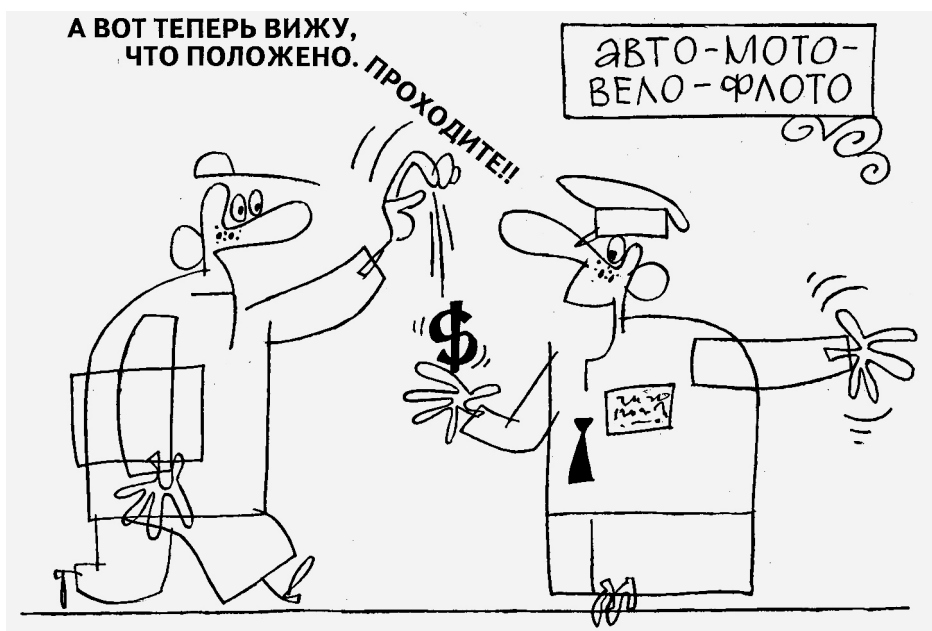
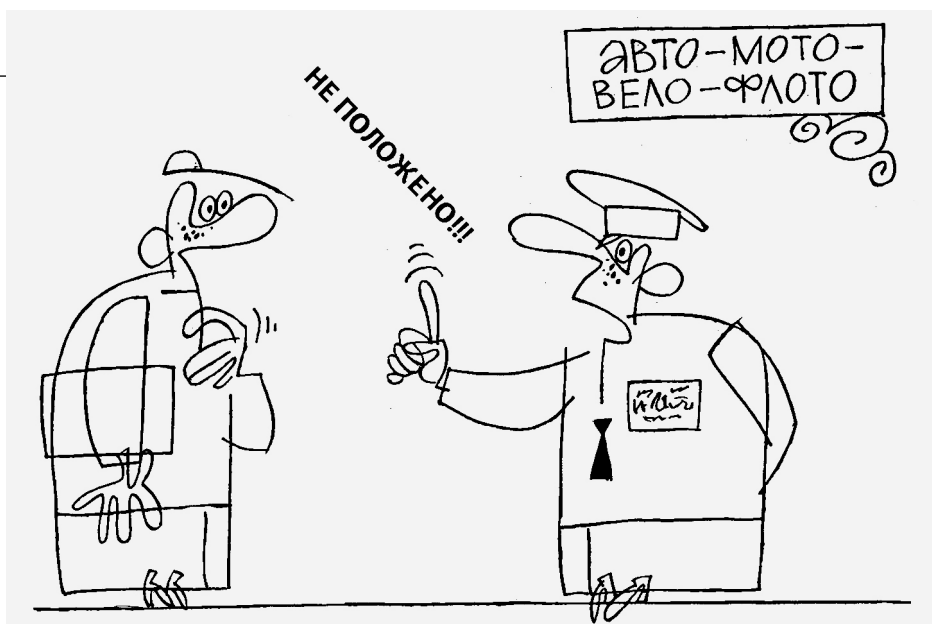
Верховный Совет России утвердил меня в должности председателя Центрального банка республики (до этого я был исполняющим обязанности председателя правления Госбанка РСФСР) 25 декабря 1990 года.

Первое время нам пришлось работать параллельно с Госбанком СССР, банковская система которого оставалась нетронутой. Она включала шесть государственных банков: Госбанк СССР, совмещавший функции одного из управлений Министерства финансов (он не только обслуживал бюджет, но и составлял по нему годовые отчёты), Центрального банка (эмиссионного центра) и коммерческого банка (сам обслуживал клиентуру в лице министерств и ряда предприятий), Внешэкономбанк СССР, который вёл все международные расчёты Советского Союза, Сбербанк СССР (по сути не банк, а сберегательная касса для населения, который, несмотря на название, каких-либо серьёзных банковских функций не выполнял) и, наконец, Промстройбанк, Жилсоцбанк и Агропромбанк СССР, функции которых определялись их названиями.

Госбанк СССР в основном руководил республиканскими нацбанками, пытался руководить и российским. Но мы спустили директивы региональным управлениям, чтобы они подчинялись только тем его указаниям, которые соответствовали нашей линии. После этого и

В августе 1991 года появились первые признаки кризиса наличности. Одна из причин — продолжавшаяся дефицитность экономики, поддерживавшая рост взяточничества и коррупции

Положительные проходимцы

начался наш конфликт с тогдашним председателем Госбанка, Виктором Геращенко.

Нам нужно было создавать банк и добывать себе место под солнцем. В Москве существовал Российский республиканский банк Госбанка СССР с отделениями во всех областях. Туда я первым делом и направился. Но, несмотря на обнародованное постановление президиума Верховного Совета о моём назначении, меня в здание просто не впустили. В.В. Геращенко, будучи председателем правления Госбанка СССР, заявил, что решение российского президиума для него не указ — он, дескать, подчиняется только решениям союзных органов власти. «Если хотите, создавайте свой банк на пустом месте, как это было сделано в Эстонии», — заключил он.

Тогда я решил с группой российских депутатов во главе с М. А. Бочаровым пойти на «штурм» российской конторы Госбанка СССР. А если бы и на этот раз нам не удалось пройти в здание банка, мы предполагали пригласить корреспондентов радио и телевидения и прямо у входа дать интервью. К счастью, наш «штурм» удался, и Михаил Александрович представил меня сотрудникам банка, сказав, что согласно решению Верховного Совета должен быть создан Центральный банк республики, и было бы желательно, чтобы не на пустом месте, а на базе уже существующего банка. Коллектив такую идею поддержал, и мы начали работать.

Что касается Валерия Михайловича Телегина, то ему удалось уговорить руководителей одного из филиалов Жилсоцбанка СССР преобразовать его во Внешторгбанк России, так что его работа также началась не на пустом месте.

Геращенко по старой привычке как-то вызвал меня на совещание в Госбанк СССР, на котором я объявил, что мы уже не контора, а самостоятельный банк, поэтому инструкций нам не надо. Геращенко, конечно, чрезвычайно обиделся. Понравилось мне тогда выступление начальника управления Госбанка Дмитрия Тулина. Он яростно спорил со мной. А я ему сказал: «Такой умный, а отстаиваешь неумную идею! Лучше переходи ко мне». В дальнейшем он так и сделал, став зампредом ЦБ РФ.

Хозяин вы, но денег нет!

В августе 1991 года появились первые признаки кризиса наличности. Можно указать, по крайней мере, пять причин этого: 1) замедление расчётов; 2) непомерно высокое налогообложение, а расчёты наличными позволяли избегать налогов; 3) продолжавшаяся дефицитность экономики, поддерживавшая рост взяточничества и коррупции, требовавших наличных денег; 4) подчиненность Гознака сначала Министерству финансов СССР, а затем Минфину России, вследствие чего Центральный банк не мог своевременно планировать и контролировать выпуск денег печатным станком; 5) популистские меры президента, правительства и парламента, увеличение заработной платы, пенсий и других наличных выплат без предварительного согласования с Центральным банком.

Тогда возник первый конфликт с Б. Н. Ельциным. Он, уезжая в очередную командировку, потребовал обычную порцию подарочной наличности, я отказался её давать. Борис Николаевич взвился: «Кто в доме хозяин?» Пришлось ответить: «Вы, но денег нет!»

Анализ складывающейся угрожающей ситуации был представлен Центральным банком Б. Н. Ельцину и тогдашнему премьер-министру И. С. Силаеву. От Ельцина реакции не последовало, Силаев же обещал разобрататься и даже принять специальное постановление правительства по этому вопросу, но дальше обещаний не пошёл. Тогда Центральный банк на свой страх и риск выпустил инструкцию, согласно которой выдача наличных, кроме зарплаты, ограничивалась относительно небольшими суммами. Было сказано, что это временная мера впредь до разрешения проблемы увеличения производственных мощностей Гознака, потому что мы понимали, что в рыночной экономике не могут существовать два типа денег: наличные и безналичные; как это было в прежней системе. А пока мы каждый день жёстко распределяли существующую наличность по областям.

Но вместо того чтобы передать Гознак Центральному банку, как мы просили, или выделить Гознаку средства

на закупку дополнительного оборудования, где-то наверху решили взвалить всю вину за кризис наличности на Центральный банк. В прессе развернулась ожесточённая кампания против Центрального банка, с нападками личного характера на меня как на председателя.

Началось всё с нашей телеграммы от 14 августа 1991 года с предложением банкирам перейти преимущественно на безналичные расчёты и объявления об ограничении выдачи наличности в связи с кризисом наличности. У нас был выбор: либо выдавать зарплаты, стипендии и пенсии, либо продолжать выдавать миллионы банкам и предпринимателям, перешедшим в своих торговых отношениях на наличный расчёт. К тому же в то время чрезвычайно выгодными были операции с наличкой — в первую очередь при игре на бирже на росте курса доллара. Эти операции давали до 800% годовых! Огромные состояния делались. Конечно, терпеть ограничения эти люди не могли.

Кампанию активно инициировали банки: Промстройбанк, МЕНАТЕП, Кредо-банк, «Столичный».

К концу года, по крайней мере на уровне Г. Бурбулиса и Е. Гайдара, которому уже был обещан пост премьер-министра, было решено снять меня с должности. Поскольку банк подотчётен парламенту, было продумано несколько вариантов реорганизации банковской системы, в которой бы мне не оставалось места. Эти варианты, несомненно, были согласованы с президентом. Но по неизвестной мне причине я остался на своём посту: то ли Хасбулатов отстоял меня, то ли не нашлось на моё место подходящей кандидатуры (Герашенко в то время ещё вёл войну с Россией с позиций Госбанка СССР).

Без Ленина, но с подписью председателя

Отдельная история с введением российских денег. Ещё 18 октября 1991 года я заявил о возможности сделать это, десятью днями позже меня поддержал Ельцин. В результате тогда же, в октябре, появилась купюра в 200 рублей. Мы знали, что мощностей Гознака для изготовления республиканских денег не хватит: он уже не успевает печатать деньги на текущие нужды. Следовало спешить, и первые деньги были отпечатаны не очень качественно. В декабре того же года, когда на свет появились пятисотки, полиграфисты Гознака оказались уже на высоте. В феврале 1992-го появилась купюра в 1000 рублей. Последняя, к слову, с Лениным. Социализм окончательно распрощался с Россией. А появившаяся в июле 5000 была уже совершенно не советской, а российской. На ней я поставил свою подпись.

Когда мы начали делать баланс ЦБ, он у нас был рублёвый, а валютной составляющей в пассивах у нас не было. Тогда мы выпросили у правительства 50 тонн золота, которые получили из Гохрана. Эти бруски складировались в хранилищах на Октябрьской площади. Наш баланс пришёл в норму.

Когда мы начали в декабре 1991 года работать с Внешэкономбанком, то обнаружили пропажу 12 миллиардов долларов валютного резерва и 300 тонн золота! Остались одни расписки. Из-за этого мы и ездили в командировки за счёт принимающей стороны.

Воруют все!

Когда в 1992 году начались перебои с расчётами, в Москву разбирать платёжки мы привозили специалистов со всей страны. А там где неразбериха, там и жулики! Правоохранительные органы пытались и меня обвинить в причастности к краже немалых сумм по чеченским авизо. Прокуратура старалась что-то найти, но я оказался совершенно в этом не замешан и даже не знал, где находится РКЦ (расчетно-кассовый центр). Если бы я был виноват, то должен был давать какие-то указания. Не мог же я сам вместо операционистки отправлять авизо. Поэтому спокойно говорил прокурору: «Ищите сговор с чеченцами, в таких случаях какие-то контакты всё равно должны всплыть». Ничего, естественно, не нашли, так как ничего не было.

В июне 1992 года я обязал РКЦ проверять все платежи из республик Северного Кавказа и Закавказья. А 19 июня направил телеграмму с указанием полностью прекратить расчёты с учреждениями Банка Чечни. Однако эта мера ожидаемого эффекта не дала — к тому времени по авизовкам уже научились воровать все кому не лень! Хотя у нас всегда была инструкция, по которой операционистка должна была звонком проверить, не поддельная ли авизовка. Их же, к сожалению, и подкупали.

Потом мне пытались приплести пресловутые грузовики с наличкой, которые в 1992 году ушли в Чечню. А я вообще не хотел давать деньги Чечне в то время, когда вооружалась армия Дудаева, уехал в командировку, возвращаюсь в Центробанк, а начальник соответствующего департамента мне и говорит: «Деньги в Чечню мы по вашему распоряжению отправили». «По какому распоряжению? — спрашиваю. — Я никакого распоряжения не давал». «Ну как же, Хасбулатов ска-

Тогда перезваниваю его помощнику, тот уверяет, что только передал слова Хасбулатова. Так или иначе, деньги ушли.

Емеля — не дурачок!

зал, что вы распорядились, просто не успели подготовить соответствующие бумаги в банке». Звоню Руслану Имрановичу, он отвечает, что его не так поняли, наверное, помощник напутал. Тогда перезваниваю его помощнику, тот уверяет, что только передал слова Хасбулатова. Так или иначе, деньги ушли. Но мы в ЦБ знали, что этого делать не нужно. Незадолго до этого посылали гонца на разведку. Владимир Львович Саламандра (начальник нашего центробанковского РКЦ, сейчас он зампред Собинбанка) вернулся и говорит: «Ничего посылать в Грозный не стоит, там сплошное воровство, деньги тут же исчезают».

Ещё раньше, как раз за то, что я не давал денег, чеченцы встречали меня у парадного подъезда угрозами. Мне Дудаев слал телеграммы с требованием наличных. А я ходил в банк через чёрный ход.

На одной истории хотел бы остановиться. В российское правительство периодически приходили жулики с разными предложениями. Причём от Ельцина приходили резолюции «Рассмотреть и подписать договор». Мне часто приходилось делать их экспертизу. Так я объяснял, что 140 миллиардов рублей наличными, которые предлагал продать заместитель председателя Совета министров РСФСР Г. И. Фильшин, нам не найти, так как в российском обороте только 70 миллиардов рублей. Тем более что 1 миллион весит 16 килограммов (разными купюрами). Получалось, что 140 миллиардов — это целый железнодорожный состав. Я часто на такие предложения писал короткую резолюцию: «Жулики!» Наконец Борис Николаевич обозлился: «Нам деньги предлагают, а какой-то бюрократ в Центральном банке мешает! Подумаешь, самый умный!» Поэтому когда к Хасбулатову пришёл очередной подозрительный тип, представитель мальтийского ордена, пообещавший выделить кредит в 100 миллиардов долларов, я согласился поехать на них посмотреть. Думал, что, может быть, хотя бы десятку-то дадут. Нас в делегации было трое — я, министр финансов Б. Г. Фёдоров и председатель Госстроя России Е. В. Басин. Сводил нас с орденом американец Леонард Боекельман, который

и платил за поездку. В Центральном банке не было валюты, и мы могли платить только за авиаперелёт «Аэрофлотом». А так приходилось ездить за счёт принимающей стороны.

В итоге мы побывали в Люксембурге, Риме — ждали, когда кредит дадут. Но не дождались.

